

УДК 14+297.1

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.16

EDN OZQJCSW

Тип статьи в журнале – научная

**ДВЕ СТОРОНЫ
АФФЕКТИВНОЙ СФЕРЫ
ИСЛАМСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ**

**TWO SIDES OF THE
AFFECTIVE SPHERE
OF ISLAMIC IDENTITY**

© 2023 г.

И. Б. Чернова*

Н. В. Галанина*

© 2023

I. B. Chernova*

N. V. Galanina*

* Московский университет МВД России
им. В. Я. Кикотя,
г. Подольск, Россия

* Kikot Moscow University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, Podolsk, Russia

Цель исследования – изучить аффективные факторы, наиболее эффективно используемые для формирования исламской идентичности.

Objective of the study is – to study the affective factors most effectively used for the formation of Islamic identity.

Методологическая база исследования исходит из принципа системности и включает в себя диалектику, дающую возможность учесть взаимодействие всех, даже противоположных феноменов исламской идентичности.

Methodological basis of the research proceeds from the principle of consistency and includes dialectics, which makes it possible to take into account the interaction of all, even the opposite phenomena of Islamic identity.

Результаты исследования. Предложена система взаимосвязанных аффективных факторов исламской идентичности, показывающая, как одни и те же чувства могут провоцировать различные по социальному значению действия и влиять на формирование личности верующего.

Research results. A system of interrelated affective factors of Islamic identity is proposed, showing how the same feelings can provoke actions of different social significance and influence the formation of a believer's personality.

Перспективы исследования связаны с последующим изучением исламской идентичности в контексте проблем духовной безопасности.

Prospects of the study are connected with the subsequent study of Islamic identity in the context of spiritual security problems.

Ключевые слова: ислам; религиозная идентичность; религиозные чувства; миссионерская деятельность.

Keywords: Islam; religious identity; religious feelings; missionary activity.

Введение

В исследовании специфики аффективной сферы исламской идентичности есть ряд особенностей, которые связаны с ролью данной религии в социокультурных и геополитических процессах в России и за рубежом. Так, усиление миграционных процессов этнических мусульман в страны и регионы с населением, имеющим в большинстве своем светскую или христианскую идентификацию, приводит к «столкновению цивилизаций», сопровождаемому интолерантным отношением к чужакам. Особенно явно это проявляется после совершения кровавых терактов фанатиками, выступающими под знаменем ислама. Поэтому и эмоциональный фон «Они-фактора», характерный для восприятия ислама, оказывается отрицательным, враждебным. Формируется атмосфера страха и недоверия, неприятия и заведомого осуждения. А это серьезно затрудняет как межкультурное взаимодействие, так и попытки непредвзятого изучения особенностей и форм исламской идентичности, воздействия ислама на всё многообразие активности личности в современном мире. Очевидно, что для обеспечения национальной безопасности необходимо активизировать усилия гражданского общества в направлении оздоровления межконфессиональных отношений. Без широкой просветительской и исследовательской работы достичь позитивных результатов на этом пути невозможно. В данной работе мы стремимся выделить те значимые моменты аффективной сферы исламской идентичности, которые могут как помочь улучшить сложившуюся в российской социокультурной среде ситуацию, так и, наоборот, способствовать нагнетанию напряженности. Это позволит эффективнее использовать духовно-нравственные средства для достижения межконфессионального мира в России.

Теоретические предпосылки и основания исследования

Теоретической базой данного исследования являются работы современных российских исламоведов, психологов, социологов, политологов и философов, которые анализировали различные проявления исламской идентичности, изучили соотношение культовой и внекультовой жизни российских мусульман, их связь с инокультурной средой и формы их миссионерской деятельности. Так, особенности радикализации ислама в мире и в современной России (прежде всего на Северном Кавказе) изучил И. П. Добаев (Добаев, 2013). М. Я. Яхьяев (Яхьяев, 2020) обращает внимание на многовекторность развития ислама и подчеркивает важность просветительской и воспитательной работы в среде мусульман для противодействия религиозно-политическому экстремизму, который активно продолжает активно распространяться в том числе и среди молодежи. Именно многоликость ислама вызывает ряд проблем при проведении

религиозных экспертиз, на что указывают в своих публикациях И. Б. Чернова (Чернова, 2020) и Б. М. Бабаджанов (Бабаджанов, 2015). Психологические установки, формируемые в процессе религиозной идентичности, нашли отражение в работах Т. Э. Кафарова (Кафаров, 2022), а Х. В. Дзуцев исследовал актуальные проблемы исламской идентичности на Северном Кавказе (Дзуцев, 2018). Все эти и многие другие работы позволяют изучать ислам как самобытную систему, активно взаимодействующую с окружающим миром, тенденции развития которой можно учитывать и корректировать для гармонизации межкультурных процессов.

Важно подчеркнуть, что ученые и общественные деятели, даже авторитетные в мусульманской среде, не смогут «достучаться» до сердец верующих, если их идеи не будут поддержаны духовенством. Однако религиозная идентичность с исламом на территории нашей страны осложняется отсутствием единства в организации мусульманского духовенства, низким уровнем культуры отношения к религии, недостаточным количеством профессионалов на местах, способных направить процесс религиозной идентификации по конструктивному руслу, умеренному «срединному пути», который не порождает экстремально сильных эмоций, так помогающих на начальных этапах идентификации с радикальными течениями в исламе. Таким образом, перед исламским проповедником в России начала XXI в. стоит задача не менее сложная, чем та, что была у основоположника его религии. Доказывать преимущества своего религиозного выбора приходится в среде суеверного, не всегда доброжелательного окружения, не имея юридических и политических преимуществ перед адептами других конфессий и постоянно преодолевая внутриконфессиональные противоречия.

Так как религиозная идентичность изначально формируется, как правило, на аффективном уровне, то и наиболее значимыми в этом процессе являются чувства, переживания личности по поводу своей веры. Поэтому и аргументы, апеллирующие к созданию эмоционального комфорта в общении с единоверцами и в обращении к Аллаху, оказываются действенными в наши дни. В данной работе мы остановимся на анализе этих чувств подробнее.

Создавая первую мусульманскую общину, неграмотный Мухаммад обращался к единомышленникам с проповедями, в которых не было места сложным богословским построениям. Вера должна была составить естественную среду для ежедневного бытия каждого человека, ее жизнеспособность подтверждалась не совершением чудес, а самим фактом успешного распространения новой религии. На фоне привычных установок язычества ислам дал неопитам прогрессивную для средневекового

мира систему требований духовной работы над собой, которая своим результатом имела фундаментальное преобразование аффективной сферы психической жизни личности, что остается актуальным и для мусульман XXI века.

Современные миссионеры-мусульмане зачастую обосновывают предпочтительность исламского религиозного выбора через противопоставление достоинств своей религии и негативных проявлений в жизни христианского мира, тем самым обостряя межконфессиональные противоречия и враждебность к иноверцам. При этом в качестве примера христианской цивилизации приводятся секуляризованная Европа и прошедшая через эпоху воинствующего атеизма Россия (народы, составляющие ее немусульманскую часть – прежде всего русские, далеко не все из которых сохранили свою религиозную идентичность). В их описании позитивные черты игнорируются, акцент делается на констатации духовного кризиса во всех его проявлениях: это падение нравов, усиление разобщенности людей, общее увеличение стрессовых состояний, потеря смысло-жизненных ориентиров, кризис семьи и повсеместно наблюдающийся разрыв родственных и социальных связей, озлобленность или апатия в межличностных отношениях, распространение алкоголизма и наркомании. На этом фоне ислам кажется тихой гаванью, дающей человеку на эмоциональном уровне состояние определенного комфорта: чувство спокойствия и уверенности в завтрашнем дне, стабильности и размеренности жизни, предопределенности судьбы, групповой поддержки, чистоты своего предстояния перед Всевышним.

Еще один аффективный фактор, благодаря которому ислам выглядит привлекательным, состоит в том, что мусульманам неведомо чувство априорной виновности, которое лежит на сердце каждого христианина и обосновывается догматом о первородном грехе. Коранический текст в описании сюжета грехопадения Адама и Евы существенно отличается от библейского, так как постулирует раскаяние первых людей и прощение их Аллахом (Коран, 2:37). Отсюда делается важный для эмоционального благополучия и самосознания личности верующего вывод об отсутствии первородного греха. Любой ребенок, даже если его родители являются атеистами, рождается мусульманином – покорным Богу.

Более того, чувство греховности в исламе не является поводом для отчаяния и самоуничужения. Даже Мухаммад, эталон поведения для мусульман, был хоть и избранным, но, тем не менее, всего лишь человеком. Поэтому он обладает не только достоинством пророка, но и многими простыми человеческими слабостями, о чем открыто говорит своим последователям. Причем, согласно хадисам, именно прошедший через грех

человек более ценен Всевышнему, чем тот, кто совершенно бесстрастен, так как у первого есть необходимость в покаянии, дающем Творцу возможность проявить свое милосердие: «Если вы не будете совершать грехи, Аллах обязательно уничтожит вас и приведет людей, которые станут грешить и просить Аллаха о прощении, и Он будет прощать их» (Коран Ан-Навави, хадис 1871).

Для мусульманина нет необходимости озвучивать свои неблагоприятные помыслы и деяния перед кем бы то ни было, кроме Аллаха, если дело не касается греха, который подлежит обязательному наказанию в соответствии с Кораном и Сунной. Тем не менее покаяние в исламе представляет собой сложный процесс, включающий в себя не только раскаяние, но и решимость не совершать подобного впредь, а если в результате кто-либо пострадал – необходимо, помимо испрошения прощения у потерпевшего, сделать всё возможное для того, чтобы загладить свою вину и восстановить справедливость.

Кроме того, ислам дает правоверным неограниченное количество возможностей преодоления чувства вины и угрызений совести через бескорыстное совершение добрых дел. Причем само стремление к добру уже является добром, даже если оно не было реализовано. Таким образом, каждый мусульманин уверен, что, соблюдая посильные ему нормы шариата и неуклонно сохраняя единобожие, он имеет возможность получить достойное место в райских садах. Поэтому религия на эмоциональном уровне для него дает и веру, и надежду, и радость даже в моменты испытаний.

Если христианские конфессии постулируют свою религию как религию любви, то в исламе определяющим чувством верующего является покорность Всевышнему. Но индивидуальное предстояние и покорность Абсолюту не исключают социальной активности личности в соответствии с идеалами, заданными Кораном и Сунной. Воспитывая своих последователей, Мухаммад регулярно обращал внимание на то, что единство и жизнеспособность общины, успех проповеди новой религии зависят от отношения, которое формируется у верующих по отношению друг к другу. Поэтому и ценность личности в исламе определяется не только богобоязненностью, но и наличием хорошего или дурного нрава. Характеристиками хорошего нрава являются: 1) стыдливость, целомудренность; 2) склонность к исламу; 3) деятельное стремление к нравственному совершенствованию; 4) несварливость, способность к компромиссам в споре; 5) сдержанность, терпение, контроль своих страстей; 6) неприхотливость, нетребовательность; 7) серьезность, степенность, нелегкомысленность; 8) осмотрительность, тщательность в выполнении должного;

9) дисциплинированность; 10) законопослушность; 11) щедрость; 12) мудрость; 13) смелость; 14) справедливость; 15) прощение; 16) великодушие; 17) общительность, обходительность, приветливость и пр. Столь подробный список не исключает индивидуального подхода к оценке человека уммой. Будут различаться требования и критерии оценки личностных качеств богатого и бедного, правителя и раба, ученого и земледельца.

Рассмотрим в качестве примера чувство стыда как один из регуляторов поведения мусульман. Ислам выделяет следующие разновидности стыда: стыд перед людьми, перед самим собой и перед Аллахом. Стыдливость в данном случае понимается как синоним скромности, застенчивости, стеснительности. Стыдливость должна удерживать человека не только от предосудительных поступков, но и от произношения и выслушивания пустых и хулильных речей, от недозволенных мыслей и желаний, от любопытных взглядов в сторону недозволенного. Мусульманину стыдно быть бедным, так как это может свидетельствовать о недостатке усердия или ума, мусульманину стыдно быть одиноким, так как это может свидетельствовать о его жадности и черствости, о его недоброжелательном отношении к другим людям, которые по тем или иным причинам «десятой дорогой» обходят его дом. Женщинам стыдливость должна быть присуща в большей степени, чем мужчинам. Однако в любом случае она не должна переходить границы здравого смысла, когда стыдливость становится ложной и мешает человеку отстаивать свои права или препятствует его духовному совершенствованию. В итоге у правоверного формируется не только позитивный эмоциональный настрой в отношении к самому себе и Абсолюту как эталону добродетели и милосердия, но и целый ряд социально значимых качеств, способствующих благополучному сосуществованию людей в исламском обществе.

С другой стороны, не только поступки, но и лежащие в их основе чувства могут быть как благотворными, так и негативными, отдаляющими верующего от идеала. Характеристиками плохого нрава с точки зрения ислама являются: 1) глупость; 2) трусость; 3) страстность, распутность; 4) несправедливость; 5) самолюбование, высокомерие; 6) расточительность и пр. Таким образом, мусульманское воспитание должно способствовать созданию благотворной доброжелательной и спокойной обстановки, в которой каждый верующий чувствует себя значимым для других членов уммы и для Всевышнего. Со своей стороны заботу о ближних в соответствии с нормами шариата он может рассматривать как форму служения Аллаху.

Несмотря на постулируемую независимость каждого перед лицом Всевышнего, «Мы-фактор» играет важную роль в исламе с момента

возникновения данной религии, что не удивительно, учитывая обширные традиции общинного и родового единства, которые первые мусульмане переняли из социальных установлений древней арабской культуры. При этом института духовников в исламе нет, и, как в любом традиционном обществе, функция социального контроля выполняется семьей и самой общиной. Ограниченность возможностей такого механизма осознавалась еще на ранних этапах становления ислама как социального института. Далеко не всегда можно отличить искренность намерений от корыстного расчета и подлинную заботу от лицемерия.

Поэтому, с одной стороны, отвечая за свои деяния непосредственно перед Аллахом, правоверный мусульманин должен страшиться только той кары, которая может быть ему послана свыше, постоянно помня о картинах ада, подробных и эмоционально насыщенных, которые настойчиво повторяются во многих сурах Корана. В отношении же с окружающими людьми, независимо от их материального достатка и социального статуса, верующий должен быть скромным, но при этом полон достоинства и самоуважения. Даже в бою воину нет смысла страшиться возможной смерти, так как, с одной стороны, религия постулирует ему предопределенность судьбы и великую награду погибшим за веру, а с другой стороны, нет смысла проявлять показную удачу, так как мотивация любой деятельности, сводимая к поиску славы среди людей, сама по себе объявляется греховной и несовместимой с образом правоверного мусульманина. С другой стороны, если учесть субъективный характер оценок поступков индивида в обществе, человек, стремящийся к общественному признанию, имеет, по крайней мере при жизни, больше шансов на достижение успеха и авторитета среди единоверцев, чем искренний и добродетельный, но не склонный к внешним эффектам молитвенник.

Результаты исследования и их обсуждение

Итак, сформулированные в Коране и Сунне установки, нацеленные на воспитание у мусульман доброжелательности, взаимоуважения и чувства собственного достоинства, милосердия, щедрости и скромности, любви и честности, верности долгу и слову, позволяют нам сделать вывод о несомненной ценности данной религии для духовного развития человека, избравшего ислам в качестве объекта религиозной идентичности. Однако как в таком случае эта религия могла стать идеологической основой целого ряда экстремистских течений, отличающихся крайней жестокостью и человеконенавистничеством?

Ответ на этот вопрос содержится в тексте Корана, различные суры которого отражают конкретные обстоятельства формирования исламского вероучения и общины вокруг Мухаммада как в дни гонений на

новую религию, так и в момент ее торжества. Чем устойчивее были позиции пророка в арабском обществе, тем радикальнее становились требования к иноверам. «Мохаммед есть посланник Божий: те, которые с ним, жестоки к неверным и добросердечны между собою» (Коран 48:29). В изображениях картин ада и рая в тексте Корана присутствуют не только подробные описания материальных благ и широких возможностей для удовлетворения потребностей плоти праведниками, а для грешников – столь же подробное описание истязаний плоти, призванных обеспечить обитателям преисподней бесконечные страдания. Причем между этими частями мира мертвых нет глухой стены, и как первым видна участь вторых, так и от вторых не сокрыто восприятие блаженства первых. Заслуживают внимания многократно повторяемые сцены того, как равнодушны к мукам грешников праведники, не только не способные, но и в принципе не желающие хоть чем-то облегчить участь тех, кто не получил милости от Аллаха.

Перенос строгого разделения людей на два мира уже в земном существовании позволяет теологам-радикалам разделять всех людей на два лагеря, в одном из которых находятся их сторонники, которые объявляются «партией Аллаха», а в другом – все остальные, составляющие «партию шайтана», с которой радикалы ведут борьбу. Таким образом, используя священные тексты, исламистские богословы делают вывод о том, что безусловное право на жизнь, имущество и уважение имеют только члены уммы, а радикалы к их числу не относят даже исповедующих ислам, но в традиционном духе. Не случайно И. П. Добаев делает вывод: «Коран открыт для разных, порой противоположных друг другу интерпретаций. В нем содержатся призывы как к любви, так и к ненависти и насилию, и было бы иллюзией пытаться однозначно толковать коранические тексты исключительно как проповедь мира. Тем более сегодня, когда целые исламские теологические школы и ведущие духовные авторитеты проповедуют ненависть к “неверным”, отвергают право на существование других религий и благословляют терроризм» (Добаев и др., 2013. С. 143).

Поставившими перед собой цель любыми средствами привести к исламу максимально возможное количество людей в качестве аргумента в пользу исламской идентификации нередко используется нагнетание страха. Дилемма «Жизнь или кошелек» преобразуется в «Ислам или смерть». Сам Мухаммад не гнушался подобной практики привлечения новообращенных. Впрочем, он не обольщался по поводу глубины и искренности веры подвергшихся насильственному обращению. Тем не менее он был уверен, что пусть не они, зато их потомки обязательно станут истинными мусульманами. В современной истории примеры побуждения к

идентификации с исламом через угрозы смерти были распространены в Афганистане, если в плен к талибам попадал военнослужащий советской армии. Немало подобных примеров и в деятельности салафитских идеологов и практиков на Северном Кавказе.

Кроме аргумента к страху, действенным был и аргумент к выгоде. В ходе исламской интервенции на вновь завоеванных территориях местным жителям, решившим принять ислам, создавались условия наибольшего благоприятствования во всех сферах жизни, открывавшие дополнительные возможности для реализации стремления к власти, богатству, общественному признанию. А их соплеменники, не ставшие даже формально изменять свою религиозную идентификацию, могли сохранить жизнь и лишь минимальные права, обеспечивающие скудное существование, только при условии, что они признают над собой власть мусульман и выплачивают джизью – налог, символизирующий их унижение, нечестие и позор.

Страх может быть основанием не только для принятия ислама, но и для внешнего сохранения исламской идентичности людьми, которые в ходе своего духовного развития осознали отсутствие у них мусульманской веры. Любые формы смены религиозной идентичности с исламской на иную воспринимаются членами уммы крайне негативно. Обвинение в вероотступничестве является для мусульманина одним из тягчайших и при наличии несомненных доказательств содеянного карается смертью. В лучшем случае вероотступник подвергается остракизму, причем не только окружающим мусульманским обществом, – прежде всего он изгоняется из семьи, для которой сам факт случившегося становится ещё большим позором, чем если бы этот человек оказался преступником. Несмотря на светскость российского государства, гарантирующего всем гражданам право свободы совести, до сих пор подобных примеров личных трагедий, особенно среди этнических мусульман, немало. Это и истории женщин, решившихся выйти замуж за немусульманина, а в годы советской власти – многочисленные примеры смены исламской идентичности на атеистическую, особенно если они «отягощались» вступлением в комсомол или коммунистическую партию.

После активизации террористической деятельности исламистских радикалов в России и во всем мире за пределами традиционно исламских стран и территорий возникла ситуация, характеризующаяся бытовой ксенофобией, когда человека, обличие которого выдавало в нем мусульманина, могли не пустить в общественный транспорт или на работу в государственных учреждениях, оскорбить или даже избить. Теперь страх стал ежедневным проявлением жизни мусульман в мегаполисах, где далекие от религии обыватели часто не видят разницы между традиционным

исламом и экстремистскими исламистскими организациями. «Я – мусульманка, и мне страшно, – рассказывает в своем блоге Айдан Мамедова после терактов в Париже в ноябре 2015 года. – То, что произошло прошлой ночью в Париже повергло в страх весь мир, и мне также страшно. Мне страшно, что мою религию ассоциируют с жестокостью из-за невежд, тогда как пророк Мухаммад, мир ему, не терял человечности даже при войнах. От ислама ли эти бесчеловечные действия? Однозначно нет. Оттого мне и стыдно. Мне страшно выйти на улицу, я просто боюсь агрессии людей. И знаете, я их понимаю. Страх и паника окутал весь мир, а я подхожу под категорию подозрительных личностей, как бы грустно для меня это ни звучало. Это не их вина, и не моя. Это плод черного пиара людей, называющих себя мусульманами. Мне страшно. Страшно, что агрессия террористов дойдет и до нашей страны. Мы, мусульмане, после всего этого оказались в ещё большей опасности, чем остальные. Мы живем и не знаем – ждать туманов от напуганных и озлобленных мирных жителей или нападения радикалов. Вот почему мне страшно» (Мамедова, 2015).

Заключение

Таким образом, признавая благотворное влияние исламского мировоззрения и образа жизни на личность верующих, даже неофитов, необходимо видеть в том числе и возможности использования этой религии для манипулирования общественным сознанием, для нарушения эффективной социализации личности верующего в современном мире, а также для дестабилизации социокультурной среды в целом. Поэтому исламский фактор в нагнетании угроз духовной безопасности должен постоянно учитываться российским государством при организации взаимодействия с исламскими религиозными организациями. Законопослушные мусульмане, достойные граждане своей страны, не должны испытывать страх и явно или неявно отвечать за преступления своих единоверцев; понятия «ислам» и «терроризм», «ислам» и «экстремизм», «ислам» и «исламизм» должны быть разведены в сознании каждого россиянина независимо от его религиозной принадлежности, необходимый эмоциональный фон в отношении к исламу в российском обществе должен включать гарантированную законом толерантность и защиту религиозных чувств, доверие и доброжелательность, открытость к продуктивному взаимодействию и взаимопониманию в организации и осуществлении светской деятельности.

Литература

Бабаджанов Б. Об исламе «хорошем» и исламе «плохом»: опыт персонального участия в религиозной экспертизе /

References

Babajanov B. (2015) About Islam «good» and Islam «bad»: the experience of personal parti-

Б. Бабаджанов // *Alatoo Academic Studies*. – 2015. – № 4. – С. 34–46. – EDN VHRNER.

Добаев И. П. Радикализация ислама в современной России: монография / И. П. Добаев. – Ростов-на-Дону: Редакция журнала «Социально-гуманитарные знания», 2014. – 332 с. – ISBN 978-5-91604-003-6. – EDN TVLOSB.

Дзуцев Х. В. Отношение жителей Северного Кавказа к свободе вероисповедания и вероотступникам / Х. В. Дзуцев, Н. В. Корниенко // Социологические исследования. – 2018. – № 1(405). – С. 83–93. – DOI 10.7868/S0132162518010099. – EDN YMAEVB.

Ибрагимов С. Д. Ислам и глобализация: российский ислам в начале XXI века / С. Д. Ибрагимов // Перспективы науки. – 2014. – № 7(58). – С. 117–120. – EDN SMZOMX.

Кафаров Т. Э. Проблема зла в исламе: между теодицеей и анти-теодицеей / Т. Э. Кафаров // Исламоведение. – 2022. – Т. 13 – № 1 (51). – С. 96–111.

Коран Ан-Навави. Сады праведных (сборник хадисов) / Ан-Навави Коран // Изд-во УММА, 2005. – URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/86727/313/An-Navavi_-_Sady_pravednyh_%28sbornik_hadisov%29.html (дата обращения 26.12.2022).

Саблукова Г. С. Коран (перевод смыслов Саблукова Г. С.) // *Falaq.ru*. – URL: <https://falaq.ru/quran/sabl> (дата обращения: 26.12.2022).

Чернова И. Б. Священные тексты как источник экстремистской угрозы / И. Б. Чернова // Текст в социальном, политическом, культурном пространстве: сборник научных статей / Отв. редактор В. В. Никульцева. – Москва: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2020. – С. 288–292. – EDN MRDDQT.

Яхьяев М. Я. Поливариативность исламской культуры: истоки и причины / М. Я. Яхьяев // Исламоведение. – 2020. – Т. 11. – № 2(44). – С. 109–121. – DOI 10.21779/2077-8155-2020-11-2-109-121. – EDN PNCGNU.

icipation in religious expertise / В. Babajanov // *Alatoo Academic Studies*. – No. 4. – Pp. 34-46.

Dobaev I. P. (2014) Radicalization of Islam in modern Russia: monograph / I. P. Dobaev. – Rostov-on-Don: Editorial Office of the journal “Social and Humanitarian Knowledge”. – 332 p. – ISBN 978-5-91604-003-6.

Dzutsev H. V. (2018) The attitude of the inhabitants of the North Caucasus to freedom of religion and apostates / H. V. Dzutsev, N. V. Kornienko // *Sociological research*. – No. 1(405). – Pp. 83-93. – DOI 10.7868/S0132162518010099.

Ibragimov S. D. (2014) Islam and globalization: Russian Islam at the beginning of the XXI century / S. D. Ibragimov // *Prospects of Science*. – No. 7(58). – Pp. 117-120.

Kafarov T. E. (2022) The Problem of evil in Islam: between theodicy and anti-theodicy / T. E. Kafarov // *Islamic Studies*. – Vol. 13. – No. 1 (51). – Pp.96 -111.

The Quran An-Nawawi. (2005) Gardens of the Righteous (collection of Hadiths) / An-Nawawi Quran // UMMA Publishing House. – URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/86727/313/An-Navavi_-_Sady_pravednyh_%28sbornik_hadisov%29.html (date of application: 26.12.2022).

Sablukova G. S. Koran (translation of the meanings of Sablukova G.S.) // *Falaq.ru*. – URL: <https://falaq.ru/quran/sabl> (date of application: 26.12.2022).

Chernova I. B. (2020) Sacred texts as a source of extremist threat / I. B. Chernova // *Text in social, political, cultural space: Collection of scientific articles* / Editor V. V. Nikultseva. – Moscow: Moscow University of Finance and Law MFUA. – Pp. 288-292.

Yahyaev M. Ya. (2020) Polyvariativity of Islamic culture: origins and causes / M. Ya. Yahyaev // *Islamic Studies*. – Vol. 11. – No. 2(44). – Pp. 109-121. – DOI 10.21779/2077-8155-2020-11-2-109-121.

Для цитирования: Чернова И. Б., Галанина Н. В. Две стороны аффективной сферы исламской идентичности // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 1(59). – С. 212–223.

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.16

EDN OZQJCW

История статьи:

Поступила в редакцию – 27.12.2022

Получена в доработанном виде –
20.01.2023

Одобрена – 27.01.2023

Сведения об авторах

Чернова Ирина Борисовна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Московский университет МВД
России им. В. Я. Кикотя,
г. Подольск, Россия

142121, г. Подольск,
бул. 65-летия Победы, д. 9,
e-mail: chibor@bk.ru

Галанина Наталия Викторовна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Московский университет МВД
России им. В. Я. Кикотя,
г. Подольск, Россия

117437, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12,
e-mail: Natgal2411@uambler.ru

Information about authors

Irina B. Chernova

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Philosophy,
Kikot Moscow University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, Podolsk, Russia

142121, Podolsk,
65th Anniversary of Victory Blvd., 9,
e-mail: chibor@bk.ru

Nataliya V. Galanina

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Philosophy,
Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Podolsk, Russia

117437, Moscow,
Akademika Volgina str., 12,
e-mail: Natgal2411@uambler.ru